

№ 171 (118) МАША И ЗЛАЯ МАЧЕХА

Как-то в одном селе случилась в одного мужика беда: умерла жена. И остался мужик с маленькой дочкой вдвоём. А жил-то он крепко*: и скота полон двор, и сундуки не пустые: жена работающая была. И задумал мужик жениться, потому что никак в яго всё не ладится: ни печь путём не стопить, ни коров подоить, ни свиней, гусей покормить, а тряпчонки постирать – и совсем не придумаеть! А девчонка совсем мала: так, годика два.

Думал-думал мужик, кого бы на жену подобрать. Девка не пойдёт, да и какая она мать, пока своих детей нет? И вот сыскал в дальнем селе молодую вдову и тоже с дочкой годков пять. Привёл домой. Живут-поживут. Жена новая заявила:

– Я еще детей не стану рожать. С меня хватить твоей дочки, да и своя есть!

– Ну, коль так, – мужик говорит, – можем и не рожать.

Долго ли, коротко ли прожили. Только стал мужик замечать, что жена не разрешает своей дочке с его дочкой играть. Чуть те вместе, сейчас же свою к себе зовёт – и его малышка тоже как к матери идет, потому что свою мать не помнить. Ну, мачеха тут же ее прогонить, а бедняжка Машка сядет в уголок, пальчик в рот, да так с горя в уголке и уснет. А дочка жены Марфута подойдет – то толкнет, то ущипнет. Маша проснётся и реветь.

– Ну, рёва! Завела, как волчонок, каждый день воет, до чего ж надоела!

А мужик такой какой-то был не смелый, даже слово не сумеет сказать. На Машку ещё сумеет цыкнуть, та замолчить – и опять в уголочке уснет.

Как ни жили, а девчонки подрастать стали. И вот Машу всюду мачеха посылает, всюду дергает, а свою Марфуту оберегает. И в куске Машку обижает, и одежонку худую ей одевает. А Маша всё равно стройней и красивей Марфуты подрастает. Зло мачеху разбирает, что Марфута некрасивая, а на Машу всяк поглядывает да похваливает. Марфута уже невеста, пора б замуж выдавать, да никто не хочет даже плевать: леная; как палка, чёрная, нескладная! А Маша ещё молода, а всякий готов бы посвататься.

А тут как на зло какая-то война случилась. Забрали мужика на войну. Так он где-то и сгиб. Еще хуже стало Маше. Ни минуты отдыха нет! Сходить бы хоть в праздник на лужайку, где молодёжь собирается – нечего одеть! А Марфута наряжается, да ещё и наругается:

– Рёва-дрёма, сиди дома!

Но Маша аккуратненько свои платишки чинить, чисто стирает и все равно, хоть в сторонке стоять и недолго, а всё же бывает на лужайке.

И вот как-то в большой праздник понаехали разные паньчи, купцы. Кто продавать, кто покупать, а кто и просто так погулять. Завидел купеческий сынок Машутку и влюбился не на шутку. Подослал к ней слугу спросить, чья такая. А Машутка отвечает:

– Ничья я! У меня нет ни отца, ни матери, а мачеха злая работой замучила, а одеть ничего не даёт. Вот я так и хожу.

– Ну, – говорить слуга, – обожди! Я своему барину доложу, а ты не уходи.

Пошёл слуга.

– Так и так, барин. Ето сирота. Премиленькое создание, но так одета – только воробьёв пугать: латка* на латке и голые пятки! Но, видно, не ленивая.

А барин и говорить:

– Я не на служанку её присмотрел, а на жену, а моей жене заботиться ни о чём не понадобится.

Кое у кого расспросили, где жить, и назавтра же приехали сватать.

– Так, мол, и так, мамаша, мне приглянулась дочка ваша. Прошу её руки!

Принарядила она свою Марфуту и выводит с поклоном:

– Пожалуйста, я не против. Попрошу любить и ценить!

А в барина, в старшего купца, вернее, и глаза под лоб: сын говорил красавица, а тут чучело вывели! А сын даже онемел, и не нашёлсь бы ничего сказать, если б вдруг с доёнкой* молока Маша в избу не вошла. Купчонок сразу нашёлсь и говорить:

– Папаша, вона невестка ваша, а не ета!

Понравилась и старику-купцу сирота. Только Маша говорить на купцов:

– Вы люди богатые, берите вон ее: у ее всё богатство моих родителей, а у меня нет ничего, кроме рук, которые работают за кусок хлеба, который мне, как собаке, кидают.

Старый купец и говорить:

– Вот будешь женой моему сыну, пусть твои руки отдыхают, а эти злые ведьмы от завидок подымают. Всё я понял. Вишь, как твою мачеху зло трясёт, а тебя мой сын на руках в карету снесёт, чтоб ножки босые не замарать.

Так и увезли Машу.

Вскоре в те места, куда Машу увезли, два солдата пришли: с плена бежали. Припоздали и возле купеческого колодца заночевали. Пришла служанка к Маше и говорить:

– Барыня, два солдата голодные возле колодца ночевать собрались. Позволь я им хлеба краюшку снесу!

А Маша и говорить:

– Не трудись, я сама!

Взяла хлебушка и понесла. Тут же отца признала, мигом к мужу побежала:

– Мой отец, – говорить мужу, – нашёлсь!

– В гости пригласи, кого-либо пошли!

– Да он-то здесь сидеть. И ещё человек с ним. Я мигом приведу.

И привела на купеческую беду. Товарищ-то отца служил раньше у старого купца, а на сынке обиду выместил. Сподтишка купца, Машенькиного муженька, прибил.

Так отец, Маша и солдат в купеческом подворье и жили. Маше мужа сыскали, а солдата сторожить купеческое богатство наняли. Мужик Маши, Машин отец купцами стали. Только ничего не покупали, ничего не продавали, дворовых* не держали. А купцами их по старой памяти купеческого имени звали.